

Н. А. ГОРШКОВА

**НАРУШЕНИЕ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ,
ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ИЗОЛЯЦИЮ
ОТ ОБЩЕСТВА
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

МОНОГРАФИЯ

Под редакцией
доктора юридических наук,
профессора **А. И. Чучаева**

Н. А. Горшкова
Нарушение деятельности
учреждений, обеспечивающих
изоляция от общества
(уголовно-правовое
исследование). Монография

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21568972

Издательство "Проспект"; 2014

ISBN 9785392145591

Аннотация

В работе исследуются проблемы социальной обусловленности уголовно-правовой охраны нормальной деятельности исправительных учреждений, в связи с чем анализируются становление и развитие законодательства об ответственности за нарушения указанной деятельности, опыт зарубежных стран, дается уголовно-правовая характеристика преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 2 ст. 228.1 и 321 УК РФ, отграничения их от смежных преступлений, а также вопросы легальной и судебной пенализации. Предназначена для студентов и курсантов высших специальных учебных заведений, аспирантов и преподавателей.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I	14
§ 1. Нормальная деятельность исправительных учреждений как объект уголовно-правовой охраны	14
§ 2. Уголовно-правовая охрана нормальной деятельности исправительных учреждений: исторический аспект	28
§ 3. Уголовно-правовая охрана нормальной деятельности исправительных учреждений: сравнительно-правовой аспект	66
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Н. А. Горшкова
Нарушение деятельности
учреждений,
обеспечивающих изоляцию
от общества (уголовно-
правовое исследование)
Монография

[битая ссылка] ebooks@prospekt.org

ВВЕДЕНИЕ

Приоритетной задачей уголовно-исполнительной системы РФ (далее – УИС) выступает повышение уровня организации и эффективности исполнения уголовных наказаний. Необходимость ее решения обусловлена ухудшением социально-психологических и криминогенных характеристик личности осужденных, повышением степени их общественной опасности. По официальным данным Федеральной службы исполнения наказаний (далее: ФСИН России) с 2009 по 2011 гг., при общем возрастании численности спецконтингента в учреждениях количество осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления возросло вдвое и достигло двух третей от общей численности осужденных к лишению свободы¹.

При этом с каждым годом увеличивается количество лиц с повышенной агрессивностью и возбудимостью, с психическими отклонениями. Согласно официальным данным ФСИН России, на конец 2012 г. в учреждениях УИС содержалось 706,2 тыс. человек². Из них достаточно большое количество склонно к различным формам деструктивного поведения – агрессии, конфликтам, членовредительству, суициду, в том числе: 74 тыс. человек с признаками психических отклонений, низким уровнем интеллекта; 127 тыс.

человек с повышенной агрессивностью и импульсивностью; 96 тыс. человек с низким социально-психологическим статусом; 102 тыс. человек с повышенной внушаемостью и слабыми волевыми качествами; 88 тыс. человек, склонных к суициду и членовредительству; 210 тыс. человек, склонных к другим формам деструктивного поведения; 51 тыс. человек с лидерскими качествами и отрицательной направленностью³. В связи с этим повышаются требования к поддержанию порядка в исправительных учреждениях (далее: ИУ) и исключению случаев совершения преступлений в отношении как самих осужденных (подозреваемых и обвиняемых), так и сотрудников УИС.

Проблемы исполнения и отбывания наказаний отражены в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р (далее: Концепция)⁴. В ней подчеркивается, что «значительно возросла нагрузка на работников УИС, участились связанные со служебной деятельностью случаи угроз в их адрес и нападений на них. Проблема противодействия криминальным структурам требует решения целого комплекса вопросов, связанных с организацией надлежащего взаимодействия правоохранительных органов по нейтрализации внешних и внутренних факторов, создающих угрозу нормальному функционированию исправительных учреждений»⁵.

В настоящее время в основном созданы правовые и организационные предпосылки по реформированию всех направлений деятельности УИС. Как было сказано, особого внимания заслуживает обеспечение личной безопасности спецконтингента и сотрудников УИС.

Нормальная деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, в первую очередь зависит от состояния законности. Одним из преступлений, нарушающих нормальное функционирование ИУ, является дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ). Согласно Отчету о состоянии преступности среди лиц, осужденных к лишению свободы (форма 2-УИС) за 2010 и 2011 гг., среди преступлений, совершенных в ИУ, для которых обязательным признаком является применение насилия или угроза его применения, центральное место занимает деяние, предусмотренное ст. 321 УК РФ.

В 2010 г. в ИУ было совершено 1023 преступления, из них 155 преступлений (15,15 %), предусмотренных ст. 321 УК РФ. В 2011 г. зарегистрировано 887 преступлений в ИУ, из них 5 преступлений (0,56 %) квалифицированы по ст. 321 УК РФ⁶. Наибольшее количество преступлений, предусмотренных ст. 321 УК РФ, приходится на исправительные колонии (далее – ИК), меньше преступлений данного вида совершается в следственных изоляторах (далее – СИЗО) и тюрьмах.

Федеральным законом от 1 марта 2012 г. № 18-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» введена ответственность за сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенный в следственном изоляторе или исправительном учреждении (п. «а» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ). Впервые в уголовном законодательстве появилась специальная норма, предусматривающая ответственность за распространение наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в местах лишения свободы. На необходимость такого законодательного решения указывают следующие данные. В 2009 г. в ИК было изъято 59 892,8 г наркотических и сильнодействующих веществ, в 2010 г. – 76 330,205 г, в 2011 г. – 78 906,01 г⁷.

Согласно Отчету о состоянии преступности среди лиц, осужденных к лишению свободы, в 2005 г. зарегистрировано 88 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенных в ИУ, и 13 преступлений, совершенных в СИЗО⁸; в 2006 г. – 162 преступления в ИК и 21 в СИЗО; в 2007 г. – 205 преступлений в ИК и 43 в СИЗО; в 2008 г. – 260 в ИК и 31 в СИЗО; в 2009 г. – 251 преступление в ИК и 30 преступлений в СИЗО; в 2010 г. – 268 преступлений в ИК и 37 преступлений в СИЗО; в 2011 г. зарегистрировано 263 и 39 преступлений соответственно.

Приведенные показатели подтверждают рост оборота нар-

котических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, в местах лишения свободы.

Наркотизм создает условия для совершения иных преступлений и в целом подрывает нормальную деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

Анализ следственной и судебной практики по делам рассматриваемой категории преступлений свидетельствует о сложностях, возникающих при квалификации деяний, совершаемых в ИУ. Это обусловлено в первую очередь сходством преступлений, предусмотренных ст. 321 УК РФ и п. «б» ч. 2 ст. 105, ст. 317, 318 УК РФ. В силу новизны нуждается в отдельном юридическом анализе состав преступления, предусмотренный п. «а» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ.

Указанные обстоятельства в их совокупности обуславливают: 1) необходимость изучения российского исторического и международного опыта уголовно-правового регулирования ответственности за нарушение нормальной деятельности ИУ; 2) поиск и разработку качественно нового подхода к уголовно-правовой охране деятельности учреждений и органов УИС, позволяющего максимально обеспечить безопасность сотрудников, осужденных, подозреваемых и обвиняемых; 3) устранение проблем построения санкций за нарушение нормальной деятельности ИУ и практики их примене-

ния.

В советский период уголовно-правовые вопросы ответственности за действия, дезорганизирующие деятельность исправительно-трудовых учреждений (далее: ИТУ), затрагивались в работах Л. П. Амелина, А. Драченова, С. И. Кузьмина, М. М. Исаева, В. К. Пинчука, А. П. Романова, Э. С. Тенцова, О. В. Филимонова и др.

За последнее десятилетие были проведены исследования, посвященные проблемам уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 321 УК РФ. Можно отметить следующих авторов: А. В. Беляков, Д. Б. Вальяно, Ю. В. Власов, А. И. Друзин, В. С. Ишигеев, И. В. Кернаджук, С. В. Легостаев, В. С. Мани, С. В. Назаров, А. С. Шатов, А. В. Щербаков и др. Все они рассмотрели ряд дискуссионных проблем в обозначенной области, однако многие из них исследовали особенности уголовной ответственности за дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, наряду с другими вопросами, а не отдельно.

Насилие в отношении представителя власти в различных его проявлениях проанализировано в трудах Р. К. Абазалиева, М. П. Еремкина, Т. Ю. Марковой, И. Е. Никонова, Н. К. Рудый, А. Р. Саруханяна, В. С. Ткаченко, К. В. Третьякова, С. А. Яковлевой.

Особого внимания заслуживают диссертационные исследования И. Г. Прасоловой (2007 г.), А. А. Горбунова

(2009 г.), О. А. Деминой (2009 г.), которые посвящены уголовно-правовой характеристике дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, и содержат в себе конструктивные предложения по совершенствованию уголовного законодательства в рассматриваемой области. Однако в данных работах не были рассмотрены вопросы по отграничению преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ, от смежных деяний, содержащих признаки применения насилия в отношении сотрудника УИС.

Большинство указанных авторов частично затрагивали указанный аспект в рамках изучения особенностей состава преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ. Ряд вопросов до сих пор остается дискуссионным и требует комплексного исследования. К тому же ни один из перечисленных ученых не обращался к изучению пенализации дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

Проблемам, связанным с применением уголовного законодательства об ответственности за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в различных его проявлениях, посвящено достаточное количество исследований. Можно отметить труды Л. М. Бабкина, С. И. Бобракова, С. А. Васильева, М. Ю. Воронина, Э. Г. Гасанова, И. И. Зуя, И. Л. Киреевой, А. А. Корнеева, В. Н. Курченко, С. Я. Лебедева, В. Н. Паршина, Т. И. Пуклич, С. В. Рачеевой, Д. В. Семькина, С. Ю. Федорюка, Е. Л.

Харьковского, А. С. Щелокова и др. Однако большинство из них включают рассмотрение проблем наркотизма общества в целом, и лишь немногие затрагивают криминологическую и уголовно-правовую характеристику деяния в местах лишения свободы.

В этой связи интересны работы Н. П. Барабанова (2000 г.), Е. В. Голощапова (2012 г.), Ю. Н. Канибера (2002 г.), А. С. Кононец (2009 г.), К. И. Сазоновой (2012), В. Н. Смирнова (2004 г.), О. И. Трифонова (2009 г.), Р. Р. Фатхуллина (2009 г.), И. Н. Чистякова (2009 г.). Названные авторы раскрыли отдельные вопросы уголовно-правового регулирования незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, в местах лишения свободы.

В настоящей же работе исследуются социальная обусловленность уголовно-правовых норм об ответственности за нарушение нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, определение их юридической природы, выявление тенденций развития уголовного законодательства в этой области; предприняты попытки выработать уголовно-правовое понятие нормальной деятельности исправительных учреждений, научно обоснованные рекомендации по совершенствованию законодательной регламентации уголовно-правового обеспечения нормально-

го функционирования учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, и законной деятельности их представителей в связи с исполнением ими должностных обязанностей, а также практики их применения.

ГЛАВА I СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ НОРМАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

§ 1. Нормальная деятельность исправительных учреждений как объект уголовно-правовой охраны

Объектом уголовно-правовой охраны выступают общественные отношения. Как отмечает Г. П. Новоселов, «если нас интересует механизм уголовно-правового регулирования, то в рамках задач, решаемых законодателем, мы можем и должны дать ответ на вопрос, что именно им ставится под уголовно-правовую охрану»⁹.

По мнению Л. Д. Гаухмана, «выражение в уголовном законе отношений в качестве охраняемых им представляет собой, с одной стороны, процесс отражения объективно существующих общественных отношений в сознании законодателя как нуждающихся в защите уголовным законом, и с другой – результат этого отражения, заключающийся во введении понятий о данных отношениях в уголовный закон, то есть в установлении охраны указанных отношений уголовным законом»¹⁰.

Е. А. Фролов указывал, что определенные общественные отношения лишь постольку объявляются объектом уголовно-правовой охраны, постольку они защищаются от причинения им того или иного ущерба, и, наоборот, определенные действия лишь потому признаются преступными, что они причиняют или способны причинить вред¹¹.

Понятие «объект уголовно-правовой охраны» дает лишь общее представление о круге общественных отношений, защищаемых уголовным законом, т. е. имеет общесоциальное значение. Именно в таком смысле общественные отношения указываются в уголовном законодательстве. Так, ч. 1 ст. 2 УК РФ, закрепляя задачи, определяет сферы общественной жизни, подлежащие уголовно-правовой охране и, следовательно, подвергающиеся воздействию в результате совершения преступлений. Данная статья включает те общественные отношения, за посягательства на которые предусмотрена уголовная ответственность.

Одним из таких объектов выступают отношения в сфере обеспечения нормальной управленческой деятельности органов государственной власти. В Особенной части УК РФ выделяется соответствующая глава «Преступления против порядка управления», в которой содержится ряд статей об уголовной ответственности за посягательства на отношения в данной сфере. Особое место занимает ст. 321 УК РФ, согласно которой уголовно-правовой охране подлежат общественные отношения, складывающиеся в процессе деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. Деятельность таких учреждений направлена на достижение целей уголовного наказания: исправление осужденных и предупреждение совершения ими новых преступлений.

При этом надо иметь в виду, что согласно ч. 2 ст. 43 УК РФ наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений, а согласно ч. 1 ст. 1 УИК РФ – в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. Соответственно, деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, может быть признана нормальной, если в процессе их функционирования бесперебойно реализуются названные цели наказания.

Важная роль в системе целей наказания отводится исправ-

лению осужденных, под которым закон понимает формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения (ч. 1 ст. 9 УИК РФ). Достижение указанной цели неразрывно связано с исполнением и отбыванием наказания в виде лишения свободы. В этой связи ч. 2 ст. 9 УИК РФ перечисляет основные средства исправления осужденных. Ими являются: 1) установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим); 2) воспитательная работа; 3) общественно полезный труд; 4) получение общего образования, 5) профессиональная подготовка и 6) общественное воздействие.

По мнению А. В. Щербакова, эти средства можно отнести к признакам нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества¹². Об этом же говорит С. В. Назаров, указывая, что воспрепятствование основным задачам деятельности исправительных учреждений лежит в основе дезорганизации их деятельности¹³.

М. Ф. Костюк утверждает, что при совершении преступления в ИУ «во всех случаях нарушаются общественные отношения, обеспечивающие нормальную деятельность указанных учреждений, которая направлена на достижение предусмотренных уголовным и уголовно-исполнительным законом целей наказания и представляет собой урегулированные законодательными нормами правоотношения, складывающиеся в процессе отбывания и исполнения наказания,

которым причиняется или может быть причинен вред. Совершая преступление в местах лишения свободы, виновный тем самым посягает на нормальную деятельность учреждений, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы»¹⁴.

Данная деятельность в самом широком понимании представляет собой урегулированные законодательными нормами отношения, складывающиеся в процессе исполнения и отбывания наказаний, связанных с ограничением либо лишением свободы.

В связи с тем, что преступление, предусмотренное ст. 321 УК РФ, посягает на функционирование учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, возникает необходимость более подробного и комплексного анализа содержания нормальной деятельности данных учреждений и их правового обеспечения.

Деятельность любого учреждения УИС необходимо рассматривать с двух позиций – исполнения и отбывания наказания. Исполнение наказания осуществляется со стороны сотрудников учреждения. В процессе своей деятельности они реализуют одно из основных средств исправления осужденных – режим.

Ю. А. Тайгозин подчеркивает значимость режима с точки зрения исполнения лишения свободы: «Режим как порядок исполнения лишения свободы – это основанная на законе и соответствующих закону нормативных правовых актах

деятельность сотрудников исправительного учреждения, направленная на обеспечение охраны и изоляции осужденных, надзор за ними, исполнение возложенных на них обязанностей, реализации их прав и законных интересов, обеспечение личной безопасности»¹⁵.

Д. Б. Вальяно также обращает внимание, что при совершении преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ, страдает в первую очередь деятельность администрации исправительного учреждения, осуществляемая в соответствии с уголовно-исполнительным законом, по реализации функций карательно-воспитательного воздействия на осужденных к лишению свободы¹⁶.

Основные требования режима перечислены в ст. 82 УИК РФ. В ч. 1 данной статьи указано, что режим в исправительных учреждениях – это установленный законом и соответствующими закону нормативными правовыми актами порядок исполнения и отбывания лишения свободы, обеспечивающий охрану и изоляцию осужденных, постоянный надзор за ними, исполнение возложенных на них обязанностей, реализацию их прав и законных интересов, личную безопасность осужденных и персонала, раздельное содержание разных категорий осужденных, различные условия содержания в зависимости от вида исправительного учреждения, назначенного судом, изменение условий отбывания наказания.

Режим создает условия для применения других средств исправления осужденных (ч. 2 ст. 82 УИК РФ). Следовательно-

но, обеспечение установленного порядка исполнения и отбывания наказания является основной задачей для любого учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества. Ни одно из средств исправления осужденного не может быть эффективным, если в учреждении нет необходимого порядка, т. е. не обеспечен режим. Соответственно, нормальная деятельность учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, выражается в каждодневной реализации режимных требований, установленных уголовно-исполнительным законодательством.

Исполнение уголовных наказаний признается исключительной прерогативой (функцией) государства, для осуществления которой создаются специализированные государственные учреждения и органы¹⁷. Исходя из названия ст. 321 УК РФ, дезорганизации могут быть подвергнуты «учреждения, обеспечивающие изоляцию от общества».

В ст. 321 УК РФ конкретизируется вид таких учреждений: по ч. 1 это «учреждение или орган уголовно-исполнительной системы», а по ч. 2 – «место лишения свободы или место содержания под стражей».

Уголовно-исполнительное законодательство не оперирует таким понятием, как «учреждения, обеспечивающие изоляцию от общества». В закон включены термины – «учреждения и органы, исполняющие уголовные наказания в виде лишения свободы»¹⁸ и «учреждения уголовно-исполни-

тельной системы, исполняющие уголовные наказания»¹⁹. О. Р. Рузевич по этому поводу высказал мнение, что в ст. 321 УК РФ употребляется слишком много терминов: «учреждения, обеспечивающие изоляцию от общества», «учреждение или орган уголовно-исполнительной системы», «места лишения свободы или места содержания под стражей»²⁰. Это обуславливает, по его мнению, трудности в установлении видов учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, а следовательно, и в применении ст. 321 УК РФ.

А. И. Друзин указывает на то, что название статьи при толковании сущности уголовно-правового запрета имеет лишь ориентирующий характер. Сам запрет изложен в диспозиции нормы. Автор приходит к выводу, что «в ч. 1 говорится вообще об учреждениях или органах уголовно-исполнительной системы без каких-либо ограничений, а не только решающих задачи изоляции лиц от общества, а заголовок статьи имеет более узкое содержание. Противоречия существуют и между различными частями анализируемой статьи. В ч. 2 ст. 321 УК РФ, начинающейся со слов «деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи», действие закона тем не менее ограничено местами лишения свободы и местами содержания под стражей»²¹.

На наш взгляд, не стоит уделять столь пристальное внимание данной проблеме, так как различия в терминологии не изменяют сущность и цели деятельности указанных учре-

ждений. Но если говорить о редакции ст. 321 УК РФ, то лучше, по нашему мнению, использовать термин «исправительные учреждения», который охватывает все виды исправительных колоний, тюрьмы и СИЗО.

К наказаниям, связанным с изоляцией от общества, относятся арест, содержание в дисциплинарной воинской части, лишение свободы на определенный срок, пожизненное лишение свободы (ст. 54, 55, 56, 57 УК РФ)²².

Исправительными учреждениями, исполняющими наказания, связанные с изоляцией от общества, согласно ст. 58 УК РФ, ч. 9 ст. 16 УИК РФ и ст. 74 УИК РФ являются: колонии-поселения, воспитательные колонии, лечебные исправительные учреждения, лечебно-профилактические учреждения, исправительные колонии общего, строгого и особого режима, тюрьмы и следственные изоляторы.

В соответствии со ст. 7 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» местами содержания под стражей являются:

- следственные изоляторы уголовно-исполнительной системы;
- изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел;
- изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых пограничных органов федеральной службы безопасности.

Соответственно, нормальная деятельность именно этих учреждений охраняется нормой, закрепленной в ст. 321 УК РФ. Не стоит приравнять к данной категории уголовно-исполнительные инспекции, предприятия, специально созданные для обеспечения деятельности УИС, научно-исследовательские, проектные, лечебные, учебные и иные учреждения, входящие в уголовно-исполнительную систему по решению Правительства РФ²³. Их деятельность хотя и направлена на решение отдельных задач УИС, но они не обеспечивают изоляцию от общества осужденных к лишению свободы. Исходя из ст. 40, 41 и п. 3 ст. 151 УПК РФ, морские или речные суда, находящиеся в дальнем плавании, либо зимовки могут быть приспособлены под функции СИЗО. Однако они не осуществляют функции государственного управления и, следовательно, не должны относиться к местам содержания под стражей применительно к ст. 321 УК РФ. Капитаны морских или речных судов и начальники зимовок не являются сотрудниками учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. Данные лица вынуждены выполнять не свойственные им задачи в силу экстремальных обстоятельств, обусловленных пресечением преступной деятельности виновного либо его задержанием и доставлением в правоохранительные органы. Поэтому было бы неверно предполагать, что виновные, воздействуя на капитанов морских судов и начальников зимовок, способны дезорганизовать деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию

от общества.

Режиму как порядку исполнения лишения свободы всегда корреспондирует режим как порядок отбывания наказания, который реализуется непосредственно самими осужденными. К наиболее важным условиям нормальной деятельности ИУ следует отнести обеспечение безопасности осужденных. Совершение деяния, предусмотренного ст. 321 УК РФ, ставит под угрозу нормальную деятельность учреждений по обеспечению режима отбывания наказания осужденными.

В. Е. Южанин отмечает, что режим как порядок отбывания наказания – «это твердо установленный распорядок жизни, труда, учебы и отдыха осужденных к лишению свободы, а также порядок реализации условий отбывания наказания. В основе режима отбывания наказания лежит система определенных обязательных правил, регулирующих поведение осужденных»²⁴.

А. В. Щербаков указывает, что «под нормальным функционированием учреждений и органов уголовно-исполнительной системы следует понимать установленный законом порядок исполнения и отбывания лишения свободы, обеспечивающий права и законные интересы, личную безопасность осужденных и персонала (и их близких), а также исполнение ими возложенных на них нормативными актами обязанностей»²⁵.

По мнению Т. А. Мошкова, «взаимоотношения осужденных друг с другом и с представителями администрации

мест лишения свободы представляют собой урегулированную нормами уголовно-исполнительного законодательства систему положительных социальных связей указанных лиц, основанную на взаимных правах и обязанностях»²⁶. Автор подчеркивает, что в случае совершения преступления в ИУ социальные связи между этими категориями лиц нарушаются «изнутри», тем самым не решаются задачи, которые закон ставит перед уголовно-исполнительной системой.

Сущность дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, сводится к разрушению полезных социальных связей, отношений, нарушению (прекращению, прерыванию, приостановке) деятельности определенных структурных подразделений данного учреждения, протекающих в течение какого-то периода времени.

Возникающие в период реализации наказания правоотношения являются уголовно-исполнительными. К ним относятся правоотношения между осужденными и администрацией ИУ. Их содержание определяет взаимосвязанная система прав и обязанностей при применении исправительного воздействия, обеспечивающая в итоге режим отбывания наказания в виде лишения свободы.

Преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 321 УК РФ, посягает на порядок отбывания наказания осужденными к лишению свободы, преступление, предусмотренное ч. 2 – на порядок исполнения наказания в виде лишения свободы со-

трудниками ИУ, а ч. 3 – на порядок исполнения и отбывания наказания в названных учреждениях.

С учетом изложенного можно сделать следующие выводы.

1. Уголовно-правовой охране от преступных посягательств, предусмотренных ст. 321 УК РФ, подлежат отношения, складывающиеся в процессе реализации целей наказания. Данные наказания связаны с изоляцией от общества, а именно: арест, содержание в дисциплинарной воинской части, лишение свободы на определенный срок, пожизненное лишение свободы. К учреждениям, обеспечивающим изоляцию от общества, относятся исключительно колонии-поселения, воспитательные колонии, лечебные исправительные учреждения, исправительные колонии общего, строгого или особого режима, тюрьмы и следственные изоляторы.

2. Содержание уголовно-исполнительных правоотношений составляет взаимосвязанная система прав и обязанностей их субъектов при отбывании и исполнении уголовного наказания в рамках применения исправительного воздействия к осужденным. Функционирование этой системы без нарушений представляет собой нормальную деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. Данная деятельность выступает объектом уголовно-правовой охраны ст. 321 УК РФ.

3. В целях унификации используемой в ст. 321 УК РФ терминологии целесообразно отказаться от термина «учреждения, обеспечивающие изоляцию от общества», заменив его

на «исправительные учреждения».

§ 2. Уголовно-правовая охрана нормальной деятельности исправительных учреждений: исторический аспект

Исторический метод исследования или, другими словами, принцип историзма как основополагающее методологическое начало является общенаучным. «Мы должны изучать факты прошлой жизни для того, чтобы открывать в них законы прогресса. Будущее способен видеть тот, кто познал прошедшее»²⁷.

Историзм предполагает познание вещей и явлений в их развитии, становлении, связи с конкретными историческими условиями, рассматривает их как продукт определенной исторической эволюции, «с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»²⁸.

Рассматриваемый метод исходит из диалектической взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего. Г. В. Ф. Гегель писал: «Законодательство вообще и его частные постановления нужно рассматривать не изолированно и абстрактно, а как взаимно зависимые моменты некоторой целостности,

в связи со всеми другими особенностями, составляющими характер определенной нации и определенной эпохи; в этой связи они получают свое истинное значение, а также и свое оправдание»²⁹.

Криминалисты прошлых веков подчеркивали, что «только история может дать объяснение причин как современного состояния уголовного права, так и состояния его в предшествовавшие периоды»³⁰.

Н. Д. Сергеевский указывал: «Проследив происхождение известного института или законоположения, мы узнаем те условия, которые породили его и которые влияли на его развитие; зная это, мы имеем возможность решить: должно ли быть законоположение сохранено, или оно должно уступить другому, как потерявшее свое жизненное основание, вследствие изменившихся условий... Одним словом, для понимания, оценки и критики уголовного закона необходимо знать его историю; в противном случае все наши суждения лишены будут прочного основания...»³¹.

И. Данилович писал: «Все периоды человеческой образованности находятся в неразрывной между собой связи и служат взаимным себе дополнением. Каждый из них, порознь взятый, представляет одну сторону идеи правосудия, которой целостность составляет созерцание множества соединенных периодов»³². В связи с этим, по мнению автора, необходимо обращаться «...к историческим исследованиям... и из-

влечению из них начал для уголовных сводов». Такой подход «в образовании науки уголовного права» предпочтительнее, «нежели отвлеченными философскими мечтами» основывать положения уголовного законодательства³³.

История имеет прикладной характер, она не должна замыкаться на саму себя, а призвана вырабатывать научную основу совершенствования законодательства и практики.

2.1. Эволюция законодательства об ответственности за нарушение деятельности исправительных учреждений в дореволюционный период

На раннем этапе развития Древнерусского государства действовали нормы обычного права. С усилением роли государства все в большей мере возрастало значение законодательной деятельности князей, появились письменные правовые акты³⁴. Одним из них является Русская Правда (XI в.), имеющая три редакции: Краткую, Пространную и Сокращенную³⁵.

Русская Правда включала нормы об ответственности за две группы преступлений («обид»): против личности и имущественные (против собственности)³⁶. Уголовная ответственность предусматривалась за посягательства на лиц, исполняющих княжескую службу, в том числе отправляющих правосудие (ст. 1, 19, 20, 21, 22, 23)³⁷.

Таким образом, статьи этого правового памятника ре-

гламентировали ответственность за посягательства на безопасность жизни и здоровья представителей власти. Однако норм, направленных на охрану деятельности учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы, в Русской Правде не содержалось. Их отсутствие можно объяснить тем, что в древнерусских юридических памятниках преобладают имущественные наказания, которые делились на такие виды, как штраф в форме виры³⁸ или дикой виры³⁹, продажа⁴⁰. Наказания в виде ограничения либо лишения свободы Русская Правда не знала, не было соответствующих учреждений и лиц, обеспечивающих исполнение этих наказаний.

По Судебнику 1550 г. вводится новый вид наказания – тюремное заключение⁴¹. Однако процесс его исполнения не регламентируется.

По-прежнему не предусматривается уголовная ответственность за нарушение порядка отбывания этого наказания.

Впервые нарушение деятельности сотрудников учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, признано преступлением по Артикулу Воинскому 1715 г. В нем говорится о сопротивлении осужденного конвоем (Артикул 205). Данное деяние содержится в главе о преступлениях против порядка управления и суда. Конвой выступал органом власти; лица, представлявшие его, выполняли конкретные обязанности, вытекавшие из требований закона, которые заключались в конвоировании осужденных.

Совершение преступления со стороны осужденного против конвоиров описывается следующим образом: «Ежели осужденный будет противитца против того, который командирован будет его взять, а оного взять будет невозможно, тогда хотя осужденнаго оный и убьет, то за оное наказать не надлежит. Однакож сие для обыкновенных воров, а не чрезвычайных, яко бунтовщиков и изменников, которых убийством могут многие товарищи покрыты быть»⁴².

Конвой при этом мог убить осужденного, но только в том случае, когда последний не являлся государственным преступником («бунтовщиком» или «изменщиком»).

Как видно, деяния, состоящие в противодействии представителям администрации ИУ (в данном случае – конвоирам), пресекались без применения средств уголовного права, путем осуществления внесудебных расправ.

В 1831 г. утверждена Общая тюремная инструкция⁴³, а в 1832 г. создан Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею и ссыльных⁴⁴. Эти документы впервые в истории российского государства объемно и всесторонне определили деятельность системы мест заключения, порядок и условия отбывания наказания осужденными, формы и методы пенитенциарно-карательного воздействия на них⁴⁵. Поэтому получили развитие и нормы об уголовной ответственности за нарушение нормальной деятельности ИУ.

Первым актом, в который законодатель включил такие

нормы, стало Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Глава 5 Уложения объединяет преступления, связанные со взломом тюрем, уводом и побегом находящихся под стражей или надзором⁴⁶. Данные посягательства указаны в разделе 4 «О преступлениях и проступках против порядка управления».

Статьи 335–343 Уложения предусматривают уголовную ответственность за незаконное освобождение или побег заключенных. Эти деяния признавались уголовно наказуемыми в случае, если были сопряжены с уничтожением или повреждением имущества тюрьмы либо с применением насилия к страже. В качестве квалифицирующих признаков указывается «учинение смертоубийства или зажигательства».

Можно утверждать, что впервые на законодательном уровне был регламентирован вопрос охраны сотрудников ИУ от преступных посягательств. При характеристике объективной стороны преступлений в Уложении используются такие термины, как: «насильственное освобождение» (ч. 1 ст. 335), «смертоубийство» (ч. 2 ст. 335, ч. 2 ст. 336, ч. 2 ст. 337, ч. 2 ст. 338), «употребление противу стражи насилия» (ч. 1 ст. 336), «освобождение через насилие» (ч. 1 ст. 337, ч. 1 ст. 338). Потерпевшими выступали только сотрудники тюрем, лагерей либо конвоиры, субъектом преступления – заключенные. В Уложении законодатель предусмотрел разнообразные виды мест лишения свободы – крепость, смиренный дом, арестантские роты гражданского ведомства,

рабочий дом, а также ввел кратковременный арест, отбываемый в различных местах (ст. 59, 60)⁴⁷. Думается, что осужденные к этим видам наказания могли совершать деяния, закрепленные в гл. 5 Уложения.

Законодателем были пересмотрены санкции за рассматриваемые деяния. Вместо практиковавшихся во время действия Артикула Воинского расправ с заключенными на месте совершения преступления Уложение предусматривает применение к ним лишения всех прав состояния, ссылку на каторжную работу в крепости, на рудники либо на поселение в отдаленнейших местах Сибири, а также наказание плетью с наложением клейм.

В начале XIX в. охрана деятельности сотрудников мест лишения свободы осуществлялась Уголовным уложением 1903 г. Так, в ч. 2 ст. 173, ч. 1 ст. 174 (гл. 6 «О неповиновении власти») устанавливалась уголовная ответственность за освобождение арестанта из-под стражи или из места заключения или содействие побегу арестанта, если «освобождение учинено посредством насилия над личностью в отношении стражи»⁴⁸.

Резюмируем изложенное.

1. Дореволюционный этап развития норм о преступлениях, посягающих на нормальную деятельность ИУ, характеризуется тем, что законодатель долгое время не проводил строгого отграничения данных преступлений от иных посягательств на государственную власть и от проступков про-

тив порядка управления. Вероятно, этим можно в некоторой степени объяснить имеющиеся в литературе различия относительно истоков уголовного преследования за дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

2. В дореволюционной России длительное время отсутствовала ответственность за деяния, направленные на нарушение деятельности ИУ. Лица, которые нарушали порядок отбывания наказаний путем применения насилия к сотрудникам, главным образом подвергались дисциплинарным взысканиям. Но к ним мог применяться и расстрел либо продление сроков заключения в местах лишения свободы.

2.2. Эволюция советского уголовного законодательства об ответственности за нарушение деятельности исправительных учреждений

Следствием Октябрьской революции 1917 г. стало изменение не только формы государственного устройства страны, но и всей ее правовой системы. Во-первых, был принят нормативный акт, который стал регламентировать деятельность ИУ. Постановлением НКЮ РСФСР от 23 июля 1918 г. утверждена Временная инструкция «О лишении свободы, как мере наказания, и о порядке отбывания такового»⁴⁹. Места лишения свободы делились на мужские и женские, а по назначению на: 1) общие места заключения (тюрьмы); 2) реформатории и земледельческие колонии как учреждения воспи-

тательно-карательные; 3) испытательные заведения для лиц, по отношению к которым имеются основания для послаблений режима или для досрочного освобождения; 4) карательно-лечебные заведения для помещения арестантов с заметно выраженными психическими дефектами, дегенератов и т. п., 5) тюремные больницы⁵⁰.

Временная инструкция в качестве главной меры борьбы с противоправным поведением осужденных, содержащихся в местах лишения свободы, предусматривала продление срока наказания. Эта мера могла применяться к заключенным, нарушающим порядок и противодействующим администрации мест лишения свободы.

М. М. Исаев указывал, что «до окончания гражданской войны в советской системе карательных мер лишение свободы не могло играть большой роли. В борьбе с наиболее опасными преступными проявлениями, включая лагерный бандитизм, на первый план выдвигалась высшая мера наказания – расстрел, как в целях общего, так и специального предупреждения преступлений»⁵¹.

Для отбывания наказания были созданы лагеря. Их деятельность регламентировалась Декретом ВЦИК РСФСР от 19 апреля 1919 г. «О лагерях принудительных работ»⁵². Заключение в лагеря принудительных работ подлежали лица, относительно которых состоялись постановления отделов управления чрезвычайных комиссий, революционных

трибуналов, народных судов и других советских органов⁵³.

Постановлением НКЮ РСФСР от 15 ноября 1920 г. издано Положение об общих местах заключения РСФСР⁵⁴. Данный нормативный акт также предусматривал возможность продления срока заключения лицам, упорно нарушающим трудовой порядок. Подобное решение могла принять распределительная комиссия.

Таким образом, на законодательном уровне была зафиксирована система мест лишения свободы, установлен порядок исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы. Однако в первое время уголовной ответственности за посягательства на осужденных, а также лиц, выполняющих служебные функции в местах лишения свободы, а тем более за дезорганизацию деятельности таких учреждений, не предусматривалось⁵⁵. В отношении осужденных, нарушавших установленный в ИУ порядок и противодействующих администрации мест отбывания наказания, применялось продление сроков лишения свободы, что регламентировалось не уголовным законодательством, а ведомственными нормативными документами.

В 20-х гг. прошлого века ситуация не сильно изменилась. Специальных норм, предусматривающих уголовную ответственность за дезорганизацию деятельности ИУ, создано не было. Для обеспечения нормальной деятельности мест заключения по-прежнему использовались меры, предусмотр-

ренные исправительно-трудовым правом.

Так, в Постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 28 марта 1928 г. «О карательной политике и состоянии мест заключения» содержалось поручение НКЮ и НКВД разработать дополнения в Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, наделяющие соответствующие органы правом ставить вопрос перед судом о необходимости продления срока или принятия новых мер социальной защиты в отношении лиц, не поддающихся исправлению⁵⁶.

С 1930-х гг. сложилась практика, в соответствии с которой осужденных, допуская проявление дезорганизации нормальной деятельности мест заключения, отправляли для дальнейшего отбывания наказания на острова Северного Ледовитого океана и в отдаленные северные лагеря (Ухтопечлаг, Норильлаг, Севвостоклаг и отдаленные подразделения Сиблага). Так, в 1935 г. НКВД СССР была утверждена Инструкция о порядке направления заключенных в срочные тюрьмы из исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ), которая предусматривала изоляцию заключенных, дезорганизующих деятельность лагеря⁵⁷.

Однако в конце 1936 г. руководство НКВД пришло к выводу, что исправительная система оказалась неэффективной и слабоуправляемой, нуждается не только в реорганизации, но и в укреплении в ней режима содержания. Ситуация была дестабилизирована, а управление ИТУ дезорганизовано поведением содержавшихся в местах лишения свободы заклю-

ченных.

В августе 1937 г. руководству различных ИТЛ был отдан приказ наркома НКВД СССР Н. И. Ежова, в соответствии с которым требовалось подготовить и рассмотреть в особых совещаниях дела лиц, ведущих «активную антисоветскую, подрывную и прочую преступную деятельность в данное время»⁵⁸. На такое рассмотрение были направлены все дела лиц, занимавшихся в лагерях бандитизмом, грабежами, издевательством над заключенными, совершавшими бандитские действия при этапировании. По итогам проведенных совещаний принимались решения казнить данных заключенных. По всем лагерям НКВД было расстреляно примерно 30 тыс. чел., подавляющую часть из которых составляли лидеры организованных преступных групп и их подручные⁵⁹.

Как свидетельствуют архивные материалы многих лагерей, за период с середины 1938 по конец 1940 гг. «обстановка среди спецконтингента существенно изменилась в лучшую сторону, а оставшиеся преступные группировки и их лидеры затаились»⁶⁰.

С начала Великой Отечественной войны лицам, осужденным за бытовые и другие незначительные преступления, представилась возможность искупить вину перед обществом в борьбе с немецкими захватчиками. В соответствии с Указами Президиума Верховного Совета СССР от 12 июля и

24 ноября 1941 г. из мест лишения свободы были досрочно освобождены названные категории заключенных с направлением в Красную Армию. Было освобождено примерно 420 тыс. чел., что составило около 25 % от общей численности лиц, лишенных свободы. Всего за первые три года войны в армию было направлено примерно 975 тыс. чел.⁶¹

В результате в местах лишения свободы сконцентрировалось большое число осужденных за тяжкие преступления. В это время начали проявляться акты саботажа, оживилась деятельность отдельных групп осужденных, направленная на подготовку вооруженных восстаний. Государственная власть решительно реагировала на попытки таких выступлений. В частности, практиковалось применение оружия без предупреждения при нападении на работников мест заключения и в случаях отказа осужденного приступить к работе после двукратного предупреждения⁶².

В 1950-х гг. проблемы уголовно-правовой охраны нормальной деятельности ИТУ вновь стали предметом научных дискуссий⁶³, поскольку до этого времени не было нормы, которая предусматривала бы ответственность за подобные посяательства.

Преступные деяния, выражавшиеся в применении насилия к сотрудникам мест лишения свободы или осужденным, квалифицировались по различным статьям УК РСФСР 1960 г.: как убийство (ст. 102), хулиганство (ст. 206), наси-

лие в отношении должностного лица в связи с его служебной деятельностью (ст. 193) и т. п.⁶⁴

Известны случаи, когда лица, осужденные за тяжкие преступления, вообще не привлекались к уголовной ответственности за насилие над заключенными, вставшими на путь исправления, если потерпевшим были нанесены легкие или даже менее тяжкие телесные повреждения. М. Журавлев и В. Владимиров приводят следующий пример: «Группа осужденных подвергла жестокому избиению заключенного Г., который порвал с воровской средой, был назначен бригадиром и не позволял рецидивистам притеснять других заключенных. Повреждения, нанесенные потерпевшему, были отнесены к разряду легких. Однако виновные были привлечены только к дисциплинарной ответственности»⁶⁵.

Таким образом, отсутствие норм, обеспечивающих охрану деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества в рассматриваемый период, вынуждало судебную практику на применение в таких случаях норм об ответственности за преступления против личности.

Описанные выше действия со стороны осужденных нередко квалифицировались как бандитизм. В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 29 сентября 1953 г. № 8 «Об устранении недостатков в судебной практике по делам о преступлениях, совершенных в местах заключения»⁶⁶ указывалось судам не принимать к производству дела о дей-

ствиях, нарушающих по своему характеру лагерный режим. К числу таких нарушений Пленум как раз отнес нанесение побоев и легких телесных повреждений, не оговаривая при этом необходимости учета ни личности виновного, ни мотивов совершения таких преступлений. Тем самым указанное постановление запрещало судам расширительно толковать понятие «бандитизм» и применять данную норму по аналогии.

На наш взгляд, наличие подобных проблем применения уголовного закона обусловило включение в УК РСФСР специальной статьи, предусматривающей уголовную ответственность за действия, дезорганизующие работу ИТУ. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 25 июля 1962 г. в УК РСФСР 1960 г. впервые была включена ст. 77.1 под названием «Действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений». Статья содержалась в разделе «Иные государственные преступления» главы «Государственные преступления»⁶⁷. В указанном разделе были собраны преступления не по родовому объекту, а по различным признакам, в результате чего в ней оказались деяния, посягающие на общественные отношения в различных областях (например, ст. 75, 77, 78, 79 УК РСФСР и др.). Подобное расположение нормы вызывало полемику по вопросу определения родового объекта преступления.

По мнению некоторых ученых, родовым объектом действий, дезорганизующих работу ИТУ, были основные инте-

ресы СССР в области исправительно-трудовой политики⁶⁸; по суждению других – общественные отношения, обеспечивающие безопасность государства⁶⁹. В дальнейшем эта позиция подверглась критике. А. И. Гуров прямо указывал на неправильность определения объекта рассматриваемого посягательства, что значительно затрудняло применение закона на практике. Автор подчеркивал: «...вряд ли факт терроризирования нескольких осужденных может повлиять на безопасность государства. С юридической точки зрения объектом данного преступления являются общественные отношения, возникающие в сфере управления определенными узкообусловленными процессами – организации работы по исправлению... осужденных»⁷⁰.

Непосредственным объектом рассматриваемого преступления, по мнению некоторых специалистов, выступали жизнь, здоровье, честь и достоинство представителей администрации ИТУ, а также осужденных, вставших на путь исправления⁷¹.

Другие ученые придерживались иных точек зрения. Например, М. А. Ефимов указывал, что «действия, дезорганизуящие работу исправительно-трудовых учреждений, имеют повышенную общественную опасность, так как грубо нарушают нормальную деятельность этих учреждений»⁷². Н. И. Загородников говорил о причинении вреда интересам перевоспитания осужденных⁷³. В. А. Владимиров отмечал,

что указанные деяния «...серьезно препятствуют нормальной работе мест лишения свободы, грубо нарушают процесс исправления и перевоспитания осужденных»⁷⁴. М. И. Ковалев также подчеркивал, что объектом посягательства «... всегда и неизбежно выступает нормальная деятельность исправительно-трудовых колоний... ибо это преступление во всех случаях прежде всего направлено на дезорганизацию их деятельности»⁷⁵. Е. В. Ворошилин, Б. В. Здравомыслов и А. В. Кладков также называли непосредственным объектом данного преступления «правильную деятельность исправительно-трудовых учреждений»⁷⁶.

Таким образом, вопросы определения объекта преступления, предусмотренного ст. 77.1 УК РСФСР, были освещены в советской юридической литературе весьма обстоятельно. Подверглись глубокому анализу и остальные элементы состава преступления. В результате государство восприняло некоторые критические отзывы специалистов и Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 января 1984 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РСФСР»⁷⁷ ст. 77.1 УК РСФСР была изменена и стала состоять из двух частей. В ч. 1 устанавливалась ответственность за дезорганизацию работы ИТУ. Указанная дезорганизация выражалась в четырех формах: 1) терроризирование осужденных, вставших на путь исправления; 2) совершение нападений на администра-

цию ИТУ; 3) организация преступных группировок с целью терроризирования осужденных или для нападения на администрацию ИТУ; 4) активное участие в указанных группировках. Часть 2 ст. 77.1 УК РСФСР предусматривала ответственность за действия, указанные в первой части этой статьи, при наличии квалифицирующих признаков. К таковым относились обстоятельства, связанные с правовым статусом осужденного: 1) особо опасный рецидивист; 2) лицо, осужденное за совершение тяжкого преступления.

Законодатель в одной статье сформулировал альтернативные признаки, в связи с чем для наличия состава указанного преступления признавалось достаточным совершение хотя бы одного из перечисленных в ч. 1 ст. 77.1 УК РСФСР деяний.

Данная уголовно-правовая норма имела большое значение для профилактики преступных проявлений в местах лишения свободы, способствовала укреплению дисциплины среди осужденных, сокращению числа правонарушений в местах лишения свободы.

Однако в последующем судебная практика показала ее несовершенство как в части определения признаков состава преступления, так и в плане законодательной техники, присущей Особенной части УК РСФСР. По утверждению специалистов, это создавало трудности при юридической оценке деяний⁷⁸. Возникающие при квалификации спорные вопросы были частично разрешены вначале постановлением

Пленума Верховного Суда СССР от 3 декабря 1962 г. № 16 «О судебной практике по делам об уголовной ответственности за действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений»⁷⁹, а затем – одноименным постановлением от 21 июня 1985 г. № 10 (с изм. от 2 марта 1989 г.)⁸⁰. Разъяснения, данные Пленумом, коснулись вопросов установления объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 77.1 УК РСФСР.

Под терроризированием осужденных, вставших на путь исправления, следовало понимать применение насилия или угрозы применения насилия с целью заставить их отказаться от добросовестного отношения к труду и соблюдения правил режима, а равно такие же действия, совершенные на почве мести за выполнение общественных обязанностей по укреплению дисциплины и порядка в исправительно-трудовом учреждении. Закон предусматривал, что насилие могло быть различным по своей интенсивности: нанесение ударов, побоев, телесных повреждений (легких, менее тяжких и тяжких), а также повлечь наступление смерти потерпевшего. Терроризированием также признавалось глумление и издевательство над осужденными в целях их устрашения и воспрепятствования перевоспитанию.

Потерпевшими от данного посягательства выступали осужденные, вставшие на путь исправления. Названное постановление Пленума 1985 г. не разъясняло данное понятие. В юридической литературе под «осужденными, вставшими

на путь исправления» понимали лиц, которые добросовестно относятся к труду, примерно ведут себя в месте лишения свободы, содействуют администрации в поддержании должного порядка и режима, участвуют в работе тех или иных самодеятельных организаций заключенных⁸¹ или выполняют другие обязанности, установленные для осужденных, либо совершают отдельные поступки, являющиеся показателями самоисправления, приобщения к честной трудовой жизни, выполнения общественного долга⁸².

Так, в определении Верховного Суда СССР по делу С. указывалось, что С., будучи осужден за разбой и отбывая наказание, терроризировал заключенных, вставших на путь исправления, и пытался убить одного заключенного, помогавшего администрации колонии вести борьбу с нарушениями режима. С. был приговорен по ст. 77.1 УК РСФСР к смертной казни⁸³.

От терроризирования осужденных, вставших на путь исправления, судам рекомендовалось отличать другие, сходные по объективной стороне преступные проявления (нанесение побоев, причинение телесных повреждений и т. п.), которые совершались на почве ссор, личных взаимоотношений подсудимого с потерпевшим и при иных подобных обстоятельствах. В постановлении Пленума указывалось, что «имеют место факты неправильной квалификации по ст. 77.1 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других со-

юзных республик преступлений, которые, хотя и вносят элементы дезорганизации в работу ИТУ, как и всякое другое преступление, но были совершены в результате конфликтов, возникших между заключенными на почве личных взаимоотношений или по мотивам бытового характера, либо явились следствием случайного стечения обстоятельств, связанных нередко с явно незаконными действиями самого потерпевшего»⁸⁴.

Совершение нападений на администрацию ИТУ предполагало такое воздействие на телесную неприкосновенность кого-либо из работников учреждения, которое было связано с применением насилия. По мнению В. Д. Меньшагина, в этих случаях виды насилия могли быть более многообразными, чем при терроризировании заключенных. «Помимо причинения физической боли, нанесения ударов и побоев, причинения телесных повреждений и смерти насилие при нападении может иметь характер и ограничения или лишения свободы, например, связывание, затыкание рта кляпом, запираение в каком-нибудь помещении»⁸⁵.

Ряд других авторов указывал, что это насилие должно было носить открытый характер⁸⁶. Пленум Верховного Суда СССР занял сходную с учеными позицию.

Нападение могло выступать средством воспрепятствования лицам административного персонала в выполнении служебных обязанностей или средством мести за выполнение

ими незаконных требований⁸⁷.

Например, заключенный, осужденный за тяжкое преступление, добиваясь получения от врача ИТК лекарств, оказывающих наркотическое действие, ударил его по голове металлическим треугольником, результатом чего была трещина на кости черепа.

Стоит подчеркнуть, что потерпевшими были представители администрации, т. е. должностные лица, которые на основании ст. 55 ИТК РСФСР пользовались правом применения мер поощрения и взыскания, замещали должность дежурного помощника начальника колонии или были представителями контролерского состава, а также иными лицами начальствующего состава ИТУ. Сюда же относились военнослужащие внутренних войск, несущие службу по конвоированию; лица, осуществляющие в местах лишения свободы политико-воспитательную работу и медицинское обслуживание, административный и инженерно-технический персонал, руководящий производственной деятельностью заключенных (п. 2 постановления Пленума от 3 декабря 1962 г.).

Статью 77.1 УК РСФСР от ст. 321 УК РФ отличает то, что в качестве потерпевших от преступления, предусмотренного ст. 77.1 УК РСФСР, выступали сотрудники конвоя и вольнонаемный состав.

Рассматриваемое преступление считалось оконченным с момента нападения на представителя администрации ИТУ, независимо от причиненного вреда личности⁸⁸.

Дискуссионным в теории считался вопрос о квалификации действий заключенного, выразившихся в нанесении представителю администрации ИТУ телесных повреждений, повлекших наступление смерти потерпевшего. Пленум указывал лишь на то, что нападения на администрацию ИТУ, сопряженные с угрозами, нанесением побоев, причинением легких, менее тяжких телесных повреждений и другими подобными деяниями, охватываются признаками преступления, предусмотренного ст. 77.1 УК РСФСР, и дополнительной квалификации не требуют (п. 6)⁸⁹. Отсюда можно сделать вывод, что действия виновных лиц, повлекшие в результате совершенного нападения на представителя администрации ИТУ причинение смерти или тяжкого телесного повреждения, должны были квалифицироваться по совокупности ст. 77.1 УК РСФСР и соответствующим статьям о преступлениях против личности.

М. П. Карпушин предлагал квалифицировать причинение представителю администрации тяжкого телесного повреждения по ст. 77.1 УК РСФСР без дополнительной ссылки на ст. 108 УК РСФСР, считая, что причиненный вред охватывается исследуемой нормой⁹⁰.

В. К. Пинчук понимал под нападением на администрацию ИТУ «не каждое насильственное действие, а лишь наиболее опасное из действий (убийство или покушение на убийство, тяжкие или менее тяжкие телесные повреждения, а также

легкие телесные повреждения с расстройством здоровья)»⁹¹. Подобные действия, по его мнению, полностью охватывались ст. 77.1 УК РСФСР и дополнительной квалификации не требовали.

П. С. Матышевский придерживался мнения, что если общественно опасные действия, содержащие признаки преступления, предусмотренного ст. 77.1 УК РСФСР, «были связаны, например, с причинением тяжких телесных повреждений, с убийством или уничтожением имущества, то они должны рассматриваться по совокупности соответствующих преступлений»⁹².

По мнению Д. О. Хан-Магомедова, если нападение на администрацию или терроризирование осужденных сопровождалось хищением государственного, общественного или иного имущества, то совершенные деяния должны квалифицироваться по совокупности преступлений: по статье о дезорганизации работы ИТУ и по соответствующей статье о хищении государственного, общественного или личного имущества⁹³.

Организация преступных группировок в местах лишения свободы предполагала создание из заключенных стойкой, сплоченной группы, хотя бы из двух человек, для совершения нападений на администрацию или для терроризирования заключенных, вставших на путь исправления⁹⁴. Она могла выражаться в подыскании и подготовке заключенных

для участия в преступной группировке, в разработке планов нападения на администрацию и терроризирования заключенных, в руководстве группой после ее создания и тому подобных действиях. Преступление считалось оконченным не только при создании преступной группировки, но и в самом процессе ее организации.

Некоторые ученые отстаивали мнение, согласно которому «организация и активное участие в группировках, имеющих характер бандитских групп (речь идет о бандитских группах, предусмотренных ст. 77 УК РСФСР. – *Н. Г.*), также охватываются составом ст. 77.1 УК РСФСР и должны влечь ответственность по этой статье»⁹⁵. Авторы упустили из виду, что бандитизм в соответствии со ст. 77 УК РСФСР предполагал в качестве обязательного признака вооруженность банды, в то время как ст. 77.1 УК РСФСР, говоря об организации преступных группировок в местах лишения свободы, не указывала на такой признак.

Активное участие в преступной группировке заключалось в разнообразных общественно опасных деяниях, например, в подыскании и изготовлении орудий для нападения на лиц администрации, сокрытии следов общественно опасной деятельности преступной группировки. Заключенные, которые хотя и вошли в преступную группу, но не проявляли активной деятельности в качестве ее членов, не могли нести ответственность за совершение рассматриваемого преступления. В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 21

июня 1985 г. № 10 «О судебной практике по делам об уголовной ответственности за действия, дезорганизирующие работу исправительно-трудовых учреждений» указывалось, что ответственности по ст. 77.1 УК РСФСР подлежат лишь «организаторы и активные участники преступных группировок, в связи с чем при рассмотрении таких дел судам надлежит уделять особое внимание установлению действительной роли каждого подсудимого с тем, чтобы исключить осуждение за одну лишь прикосновенность к группировке» (п. 4)⁹⁶.

В советской юридической литературе появилась тенденция к необоснованному и произвольному расширению рассматриваемого состава преступления. Так, некоторые авторы утверждали, что по ст. 77.1 УК РСФСР могут квалифицироваться такие действия особо опасных рецидивистов, как отказ от работы, членовредительство с целью уклонения от работы, симуляция заболевания и нанесение себе и другим осужденным татуировок антисоветского содержания и др.⁹⁷

На наш взгляд, в ст. 77.1 УК РСФСР точно описывались те общественно опасные деяния, которые образовывали состав преступления, предусмотренного этой статьей. Отказ и уклонение от работы в местах лишения свободы и нанесение татуировок не охватываются ни понятием терроризирования, ни понятием нападения на администрацию ИТУ, а поэтому и не могли быть квалифицированы по ст. 77.1 УК РСФСР. Случаи же антисоветской агитации со стороны заключенных надлежало квалифицировать по ст. 70 УК

РСФСР.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 77.1 УК РСФСР, предполагала прямой умысел. В. Н. Кудрявцев указывал, что ст. 77.1 УК РСФСР не содержит «специального указания» на неосторожность совершаемого деяния, вследствие чего можно сделать вывод, что законодатель предусматривает совершение данного преступления только с умышленной формой вины⁹⁸. Это в одинаковой мере относилось как к терроризированию заключенных и нападению на администрацию, так и к организации преступных группировок и участию в них. Виновный осознает, что терроризирует заключенных, вставших на путь исправления, совершает нападение на администрацию, организует преступную группировку в местах заключения либо активно в ней участвует, и желает совершить эти деяния.

Терроризирование заключенных могло быть обусловлено различными целями: желанием вовлечь терроризируемого в преступную группировку или принудить его к неподчинению администрации, заставить нарушить установленный в месте лишения свободы режим и т. д.

Нападение на администрацию также могло совершаться по многим мотивам, например, с намерением изъять у представителя администрации какие-либо предметы служебного пользования (оружие, форменную одежду)⁹⁹ или воспрепятствовать выполнить возложенные на него обязанности либо принудить к нарушению таких обязанностей. Мотивом мог-

ла выступать мстить представителю администрации в связи с его служебной деятельностью. Нападения, связанные с явно незаконной деятельностью представителей администрации ИТУ и совершенные на почве любых личных взаимоотношений, квалификации по ст. 77.1 УК РСФСР не подлежали¹⁰⁰.

Организация преступных группировок имела целью, как это прямо было оговорено в ст. 77.1 УК РСФСР, последующее терроризирование заключенных или нападение на администрацию.

Статья 77.1 УК РСФСР в первоначальной редакции к субъектам преступления относил: 1) особо опасных рецидивистов; 2) лиц, осужденных за совершение тяжкого преступления. Эти признаки субъекта характеризовали особый уголовно-правовой статус осужденного.

Постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1963 г. № 1208-VI «О применении ст. 14.1 Закона СССР об уголовной ответственности за государственные преступления»¹⁰¹ круг лиц, подлежащих ответственности за рассматриваемое преступление, был расширен. Президиум разъяснил, что по ст. 14.1 Закона за дезорганизацию работы ИТУ могут привлекаться к уголовной ответственности также и те не поддающиеся перевоспитанию особо опасные рецидивисты, которые, несмотря на все принятые к ним меры воздействия, злостно нарушая установленный в местах лишения свободы порядок и ведя паразитический об-

раз жизни, наносят татуировки антисоветского содержания и тем самым препятствуют нормальной работе по исправлению и перевоспитанию заключенных¹⁰².

Подчеркнем, что ответственность распространялась только на особо опасных рецидивистов, которые, несмотря на принятые меры воздействия, злобно нарушали в местах лишения свободы порядок и вели паразитический образ жизни. По сути, было применено расширительное толкование уголовного закона.

В тех случаях, когда терроризирование или нападение совершались заключенным, не являющимся ни особо опасным рецидивистом, ни осужденным за тяжкое преступление, ответственность наступала по другим статьям УК РСФСР: за терроризирование – по ст. 207 УК РСФСР (убийством, нанесением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества) или по соответствующим статьям главы о преступлениях против личности; за нападение на администрацию – по ст. 191 УК РСФСР (за сопротивление представителю власти либо принуждение его к выполнению явно незаконных действий, совершенные с насилием или с угрозой применения насилия), по ст. 193 УК РСФСР (за угрозу или насилие в отношении должностного лица) или же по статьям главы о преступлениях против личности.

Как уже отмечалось, Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 января 1984 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный ко-

дексы РСФСР» ст. 77.1 УК РСФСР существенно изменена. Была предусмотрена уголовная ответственность не только особо опасных рецидивистов и лиц, осужденных за тяжкие преступления, но и всех остальных категорий осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы¹⁰³. Соответственно, был расширен перечень субъектов данного преступления.

Таким образом, согласно уголовному законодательству СССР преступление, предусмотренное ст. 77.1 УК РСФСР, мог совершить только осужденный к лишению свободы. Иначе говоря, субъект преступления признавался специальным.

Критерии отнесения осужденного к категории особо опасного рецидивиста содержались в ст. 24.1 УК РСФСР. Перечень тяжких преступлений был дан в ст. 7.1 УК РСФСР. К тяжким относились деяния, перечисленные в ч. 2 данной статьи, например: особо опасные государственные преступления (ст. 64–73), бандитизм (ст. 77), умышленное убийство (ст. 102 и 103) и др.

Следует обратить внимание на санкцию ст. 77.1 УК РСФСР. Так, по ч. 1 преступление наказывалось лишением свободы на срок от трех до восьми лет, по ч. 2 – лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет или смертной казнью. Указанная санкция гораздо строже, нежели санкция ст. 321 УК РФ.

В 1983 г. УК РСФСР дополнен ст. 188.3 «Злостное непо-

виновение требованиям администрации исправительно-трудового учреждения».

В содержание непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 188.3 УК РСФСР, входила нормальная деятельность не любого ИТУ, а только такого, режим отбывания наказания в котором допускал возможность применения к осужденным мер дисциплинарного взыскания в виде перевода в ПКТ (одиночную камеру) или в тюрьму. Однако в отличие от действий, дезорганизующих работу ИТУ (ст. 77.1 УК РСФСР), это преступление рассматривалось как посягательство на правосудие.

Преступление, определяемое в ст. 188.3 УК РСФСР, по конструкции объективной стороны имело формальный состав.

Деяние могло совершаться в двух формах: злостное неповиновение администрации ИТУ или иное противодействие ей в осуществлении ее функций. Под неповиновением понимался открытый отказ, нежелание подчиниться законным требованиям, к иному противодействию администрации ИТУ могли быть отнесены, например, случаи, когда осужденный препятствовал проведению мероприятий политико-воспитательного характера (трудовое соревнование, политзанятия, разъяснение законодательства и т. п.).

В п. 7 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 5 апреля 1985 г. «О практике применения судами законодательства об ответственности за злостное неповино-

вание требованиям администрации исправительно-трудового учреждения» разъяснялось, что злостное неповиновение – это открытый отказ от исполнения обращенного к конкретному осужденному требования представителя администрации, который в силу должностного положения имел право предъявить данное требование, а осужденный был обязан и мог его выполнить, но умышленно не выполнил. Под иным противодействием администрации ИТУ в осуществлении ее функций следовало понимать умышленные действия осужденного, направленные на срыв работы производственных подразделений (участка, смены, бригады и др.) или проводимых мероприятий (политико-воспитательных, учебных, культурно-массовых, оздоровительных и т. д.) либо совершенные с целью подстрекательства к этому других осужденных¹⁰⁴.

Несмотря на данные разъяснения, суды необоснованно привлекали к ответственности по ст. 188.3 УК РСФСР осужденных, допуская, например, нарушение формы одежды. Как указала Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР в определении от 15 августа 1988 г. по делу В., «указанные нарушения должны влечь не уголовную, а дисциплинарную ответственность, в том числе и при неоднократном совершении этих нарушений, а невыполнение взысканий, наложенных за эти незначительные нарушения режима, не дает оснований рассматривать поведение осужденного в этот период как злостное неповиновение»¹⁰⁵.

На практике имели место случаи осуждения за действия, указанные в ст. 188.3 УК РСФСР, по ст. 77.1 УК РСФСР. В связи с этим Верховный Суд СССР в постановлении от 21 июня 1985 г. указал, чтобы суды не осуждали лиц за действия, образующие злостное неповиновение администрации ИТУ по ст. 77.1 УК РСФСР.

УК РФ не предусматривает ответственность за злостное неповиновение требованиям администрации ИУ (ст. 188.3 УК РСФСР), а также за незаконную передачу запрещенных предметов лицам, содержащимся в ИУ (ст. 188.4 УК РСФСР). Данные деяния переведены в разряд дисциплинарных проступков и предусматривают наступление дисциплинарной ответственности по уголовно-исполнительному законодательству.

А. М. Меликян по этому поводу высказал предположение, что «перемещение» ряда ранее уголовно наказуемых деяний в разряд дисциплинарных правонарушений (хотя и являющихся злостными нарушениями установленного порядка отбывания наказания) «свидетельствует не столько о гуманизации уголовно-исполнительной политики, сколько о непоследовательности в применении мер уголовно-правовой и дисциплинарной ответственности. Возможным представляется также желание администрации исправительного учреждения приукрасить состояние правопорядка в местах лишения свободы»¹⁰⁶.

В конце 80-х гг. XX в. началась разработка нового УК.

Было подготовлено несколько проектов. В некоторых из них ответственность за дезорганизацию деятельности мест лишения свободы не предусматривалась. Их авторы предлагали ограничиться статьей «Насилие или угроза применения насилия в отношении публичного должностного лица»¹⁰⁷. Разработчики другого варианта проекта предлагали включить в УК РФ норму, обеспечивающую охрану мест лишения свободы. По их мнению, она должна была именоваться как «Воспрепятствование нормальной деятельности учреждений»¹⁰⁸.

Наконец, вступивший в силу с 1 января 1997 г. УК РФ включил ст. 321 «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества».

По мнению А. В. Щербакова, «в советский период исторически сложились три типа воздействия государства на процесс предупреждения и пресечения дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества:

- репрессивный-внесудебный (1934–1960 гг.), характеризующийся прежде всего карательным воздействием на проявления отрицательно настроенных заключенных, в том числе массовыми расстрелами бандитствующего элемента в особых лагерях. Этот этап основывался исключительно на нормативных актах МВД, НКВД СССР, отдельных лагерей;
- уголовно-правовой (1960–1996 гг.), связанный с развитием уголовного, уголовно-исполнительного законодательства, заключающийся во введении законодательных норм,

предусматривающих в рамках закона и судебного порядка более мягкую ответственность за действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений;

– уголовно-дисциплинарный (с 1997 г. по настоящее время), обусловленный уголовно-правовой политикой государства, направленной на гуманизацию наказаний, повышение эффективности воздействия на осужденных посредством прежде всего режимных мероприятий, закрепление на законодательном уровне возможности осуществления оперативно-разыскной профилактики в целях предупреждения нарушений режима содержания (ст. 84 УИК РФ), соединенный с возможностью уголовной ответственности за наиболее опасные проявления дезорганизации деятельности в местах лишения свободы»¹⁰⁹.

Сравнительный анализ ст. 77.1 УК РСФСР и ст. 321 УК РФ показал следующее. Признаки преступления, предусмотренные ст. 321 УК РФ, имеют некоторые отличия от признаков преступления, закрепленных в ст. 77.1 УК РСФСР. Как указывает Д. Б. Вальяно, «изменен родовой объект преступления. В УК РСФСР 1960 г. действия, дезорганизующие деятельность исправительно-трудовых учреждений, были отнесены законодателем к «иным государственным преступлениям», что предопределяло родовой объект их преступного посягательства в качестве общественных отношений, обеспечивающих безопасность государства. В настоящее время таким объектом является общественная безопас-

На наш взгляд, Д. Б. Вальяно допускает ошибку: родовым объектом преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ, выступают общественные отношения в сфере охраны государственной власти. Это означает, что ст. 77.1 УК РСФСР и ст. 321 УК РФ в широком смысле направлены на защиту государственной власти от преступных посягательств.

По сравнению со ст. 77.1 УК РСФСР уголовно-правовая норма, предусмотренная ст. 321 УК РФ, расширяет непосредственный объект преступного посягательства и одновременно круг потерпевших от преступления. Так, согласно ст. 321 УК РФ потерпевшими могут выступать не только осужденные и сотрудники ИУ, но и сотрудники СИЗО, а также их близкие, чего не было предусмотрено ст. 77.1 УК РСФСР.

Статья 321 УК РФ не конкретизирует, что местом совершения преступления должно быть учреждение, обеспечивающее изоляцию от общества (в отличие от ст. 77.1 УК РСФСР).

В отличие от ст. 77.1 УК РСФСР в ст. 321 УК РФ используется общепринятая в уголовном законе классификация насильственных действий. В ст. 321 УК РФ не предусмотрена ответственность за действия, направленные на формирование преступной группы (в отличие от ст. 77.1 УК РСФСР).

В ст. 77.1 УК РСФСР специально оговорено, что субъект преступления специальный (особо опасные рецидивисты, лица, осужденные за тяжкие преступления или любые

лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы). В ст. 321 УК РФ о таких признаках субъекта ничего не сказано. Согласно ст. 321 УК РФ к уголовной ответственности могут привлекаться осужденные, отбывающие наказание в СИЗО, тогда как действие ст. 77.1 УК РСФСР на подобную категорию лиц не распространялось.

Обобщая сказанное, можно отметить следующее.

1. В советском уголовном праве специальной нормы, охраняющей нормальную деятельность ИТУ, изначально не содержалось. Правовые средства борьбы с соответствующим поведением осужденных предусматривались исправительно-трудовым правом и ведомственными нормативными актами.

2. Помимо статьи, устанавливающей уголовную ответственность за действия, дезорганизирующие работу ИТУ (ст. 77.1 УК РСФСР), дополнительно предусматривалась ответственность за злостное неповиновение требованиям администрации ИТУ (ст. 188.3 УК РСФСР). Преступными признавались альтернативные действия в виде «злостного неповиновения» и «иного противодействия администрации в осуществлении ее функций», что позволяло администрации ИТУ широко применять указанную норму в отношении любого неугодного заключенного вне зависимости от степени общественной опасности его действий.

3. Потерпевшими, согласно ч. 1 ст. 77.1 УК РСФСР, могли быть только осужденные, вставшие на путь исправления,

либо представители администрации ИТУ.

§ 3. Уголовно-правовая охрана нормальной деятельности исправительных учреждений: сравнительно-правовой аспект

Обращение к зарубежному уголовному праву обусловлено рядом обстоятельств, в том числе значением сравнительного правоведения как метода юридической науки. Во-первых, сравнительно-правовое исследование в сочетании с историческим, нормативным и социологическим методами позволяет выйти за рамки национальной правовой системы; во-вторых, дает возможность под особым углом зрения взглянуть на ряд традиционных проблем юридической науки, в частности уголовного права, и на основе положительного опыта зарубежного законодательства выработать меры по совершенствованию российского права.

Потенциальные познавательные возможности сравнительно-правового метода заключаются в том, что он помогает «не только выявить противоположность, различия и черты преемственности правовых систем разных исторических типов и правовых семей, но и (что, может быть, самое главное) формулировать общетеоретические положения и конструкции, выявлять закономерности функционирования и развития, которые учитывают особенности правовых систем

различных социальных структур, эпох, стран»¹¹¹.

Компаративистика исходит из того, что именно сравнение позволяет познать истину, а транснациональная юридическая практика и прикладные научные исследования – подтвердить ее¹¹².

По мнению Л. Г. Овсепян и А. И. Чучаева, можно выделить следующие функции уголовно-правовой компаративистики: информационно-аналитическая; методологическая; интеграционная; воспитательная и образовательная¹¹³. Они отражают все основные направления сравнительно-правового исследования¹¹⁴.

Сохраняющиеся дискуссии относительно содержания ст. 321 УК РФ обуславливают необходимость обращения к зарубежному уголовному законодательству в первую очередь для того, чтобы соотнести положения действующего уголовного законодательства в рассматриваемой области с нормами, включенными в уголовные кодексы стран, входящих в различные правовые системы современности, выявить сходства, различия и возможные пути реформирования отечественного законодательства с учетом положительного зарубежного опыта.

3.1. Охрана деятельности исправительных учреждений по законодательству стран СНГ и Грузии

Определенный интерес представляет уголовное законо-

дательство государств – участников Содружества Независимых Государств, имевших общее социалистическое прошлое в рамках единого союзного государства¹¹⁵, формировавших свои уголовные кодексы с учетом Модельного уголовного кодекса для государств-участников СНГ как рекомендательного акта, принятого на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ 17 февраля 1996 г. (далее: МУК СНГ или Модельный УК)¹¹⁶.

МУК СНГ¹¹⁷ содержит ст. 313 «Воспрепятствование деятельности учреждений, исполняющих наказание, и учреждений предварительного заключения», которая практически схожа со ст. 321 УК РФ. Данная статья также делится на три части. Но содержание этих частей несколько отличается. Так, по ч. 1 потерпевшим выступают только работник учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы или ареста, работник учреждения предварительного заключения. По ч. 2 предусматривается, что насилие применяется как в отношении сотрудника, так и в отношении лица, отбывающего наказание в виде лишения свободы или арестованного. В ч. 1 объективная сторона выражена только в угрозе применения насилия, в ч. 2 предусмотрено применение насилия, не опасного для жизни или здоровья потерпевших. Часть 3 этой статьи включает насилие, опасное для жизни или здоровья лиц, указанных выше, а также со-

вершение действий организованной группой. Все части данной статьи указывают на обязательное наличие у виновного цели воспрепятствовать нормальной деятельности учреждений, исполняющих наказание, и учреждений предварительного заключения.

Данное преступление по Модельному УК относится к числу посягательств против порядка управления.

В ряде государств это деяние считается преступлением против правосудия (например, ст. 410 УК Республики Беларусь, ст. 392 УК Украины). Формулировки УК Республики Беларусь и УК Украины практически совпадают и имеют большое сходство со ст. 77.1 УК РСФСР 1960 г.

В соответствии со ст. 410 УК Республики Беларусь¹¹⁸ наказуемы действия, выразившиеся в терроризировании осужденного с целью воспрепятствования его исправлению или из мести за исполнение им общественной обязанности, либо в нападении на представителя администрации следственного изолятора или иного места лишения свободы, либо в организации преступной группировки, совершенные лицом, отбывающим наказание в виде лишения свободы. Преступление считается квалифицированным, если оно совершено лицом, осужденным за тяжкое или особо тяжкое преступление либо допустившим особо опасный рецидив. Деяние отнесено к преступлениям против правосудия и в описании, как уже было сказано, имеет большое сходство со ст. 77.1 УК РСФСР 1960 г.

Почти такую же формулировку посягательства содержит ст. 392 УК Украины¹¹⁹, также отнесенная к преступлениям против правосудия. В отличие от белорусского украинский законодатель вместо термина «группировка» использует термин «группа», не указывает на цель и мотив совершения данного преступления, расширяет круг его субъектов. К ним отнесены не только лица, отбывающие лишение свободы, но и отбывающие наказание в виде ограничения свободы. Закон не предусматривает квалифицированных видов преступления.

Уголовным кодексом Республики Казахстан¹²⁰ предусмотрены два преступления, посягающие на отношения в сфере исполнения наказания в виде лишения свободы (гл. 15 «Преступления против правосудия и порядка исполнения наказаний»). Ст. 360 УК Казахстана содержит деяние, выраженное в неповиновении законным требованиям администрации уголовно-исполнительного учреждения. Злостное неповиновение (ч. 1 ст. 360 УК Казахстана) в соответствии с УК РФ не является преступлением, а влечет наложение дисциплинарного взыскания (ч. 1 ст. 116 УИК РФ).

По ч. 2 ст. 360 УК Казахстана уголовно наказуемым выступает злостное неповиновение, совершенное неоднократно. В соответствии с российским уголовным законодательством неоднократность как вид множественности преступлений исключена из УК РФ (ст. 16)¹²¹.

В ч. 3 ст. 360 УК Казахстана предусмотрена ответственность за организацию группового неповиновения либо за участие в групповом неповиновении. Особенностью выступает то, что по данной части в качестве последствий (помимо применения насилия в отношении других лиц или наступления иных тяжких последствий) указано на «умышленное причинение себе какого-либо повреждения». Это положение является отличительной особенностью УК Республики Казахстан.

Наиболее схожа со ст. 321 УК РФ ст. 361 УК Казахстана «Угроза применения насилия в отношении сотрудника учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, либо его близких, а также осужденного или посягательство на их здоровье или жизнь». Часть 4 статьи охватывает посягательство на жизнь сотрудника учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, либо его супруга (супруги) или близких родственников в связи с осуществлением им служебной деятельности, а также в отношении осужденного с целью воспрепятствовать его исправлению или из мести за оказанное им содействие администрации учреждения.

В Уголовном кодексе Республики Молдовы¹²² нарушение нормальной деятельности ИУ также предусмотрено главой, содержащей преступления против правосудия (гл. XIV). Статья 321 УК Республики Молдовы включает ответственность за неповиновение с применением насилия законным требованиям администрации пенитенциарного учреждения

лицом, отбывающим наказание в пенитенциарном учреждении. Насилие применяется в отношении сотрудников, субъектом преступления выступает осужденный, который отбывает наказание. Статья не указывает на цель совершения данного преступления.

Обращает на себя внимание содержание ст. 213 Уголовного кодекса Республики Туркменистан¹²³ «Дезорганизация нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества». Ответственность за данное деяние, совершенное в отношении сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей или осужденного, содержится в одной части (в отличие от ст. 321 УК РФ). Предусмотренные ч. 1 ст. 213 УК Туркменистана специальные мотив и цель являются обязательными признаками субъективной стороны только в случае применения насилия в отношении осужденного. Часть 2 рассматриваемой статьи в качестве квалифицирующих признаков указывает на применение насилия, опасного для жизни или здоровья, совершение указанных действий в составе организованной группы (подобно ч. 3 ст. 321 УК РФ), а также повторно или группой лиц по предварительному сговору.

Законодатель Республики Таджикистан включил в гл. 31 Уголовного кодекса¹²⁴ «Преступления против порядка управления» две статьи. Статья 331 УК Республики Таджикистан предусматривает ответственность за угрозу насилием в отношении работника учреждения, исполняющего наказа-

ние, или работника учреждения предварительного заключения в целях воспрепятствования нормальной деятельности этих учреждений. Статья 332 УК Республики Таджикистан в качестве преступных называет действия, совершенные лицом, отбывающим наказание в местах лишения свободы, выразившиеся: а) в терроризировании осужденных; б) в нападении на представителей администрации мест лишения свободы; в) в организации в этих целях группировок или в активном участии в их деятельности.

Сопоставление ст. 331 и 332 УК Республики Таджикистан показывает, что вторая статья выделена в зависимости от особенностей личности потерпевшего и субъекта преступления. Если по ст. 331 УК Таджикистана ответственность несет любое лицо, а потерпевшим выступает только работник учреждения, исполняющего любой вид наказания, или работник учреждения предварительного заключения, то по ст. 332 УК Таджикистана к ответственности привлекается только «лицо, отбывающее наказание в местах лишения свободы». Потерпевшими могут выступать как осужденные, так и представители администрации мест лишения свободы.

Статья 332 УК Таджикистана дублирует содержание ст. 77.1 УК РСФСР. Законодатель Республики Узбекистан также включил в ст. 220 УК¹²⁵ положения ранее действовавшего уголовного законодательства РСФСР. Ответственность за «действия, дезорганизующие работу учреждения по исполнению наказания в виде лишения свободы» предусмот-

рена ст. 220 УК Республики Узбекистан и включена в главу XV «Преступления против порядка управления».

В ст. 221 УК Республики Узбекистан предусмотрена уголовная ответственность за неповиновение законным требованиям администрации учреждения по исполнению наказания.

Статья 221 УК Республики Узбекистан уточняет, что виновный подлежит уголовной ответственности, если он за нарушение требований режима отбывания наказания подвергался в течение года взысканию в виде перевода в помещение камерного типа (одинокую камеру) или переводился в тюрьму.

УК Республики Армения¹²⁶ содержит ст. 319 «Воспрепятствование деятельности учреждения, исполняющего наказание, или места содержания арестованных, или места содержания задержанных», которая также похожа на ст. 321 УК РФ. Особенностью выступает то, что по ст. 319 УК Армении несколько расширен круг потерпевших. Так, согласно ч. 1 статьи потерпевшими могут выступать: 1) работник учреждения, исполняющего наказание; 2) работник места содержания арестованных; 3) работник места содержания задержанных. Видовым объектом, однако, являются отношения в сфере порядка управления (гл. 30 УК Республики Армения).

По ст. 317 УК Азербайджанской Республики¹²⁷ уголовная ответственность наступает за нарушение нормальной деятельности уголовно-исполнительных учреждений и след-

ственных изоляторов. Часть 1 содержит описание угрозы применения насилия, ч. 2 – применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, ч. 3 – совершение указанных деяний организованной группой либо с применением насилия, опасного для жизни или здоровья.

В отличие от ст. 321 УК РФ азербайджанский законодатель в ч. 1 ст. 317 указывает, что потерпевшим может быть как сотрудник уголовно-исполнительных учреждений или следственных изоляторов, так и осужденный. Разграничение на части ст. 317 УК Азербайджанской Республики выполнено в классическом стиле – в зависимости от тяжести совершаемых действий. Данная статья включена в гл. 34 «Преступления против порядка управления».

Аналогично ст. 317 УК Азербайджанской Республики сформулирована ст. 345 УК Кыргызской Республики¹²⁸ под названием «Воспрепятствование нормальной деятельности учреждений системы исполнения наказаний». Эта статья включена в гл. 32 «Преступления против порядка управления».

Грузинский законодатель поместил рассматриваемое преступление в главу о посягательствах против правосудия, среди которых выделил самостоятельную группу деяний, направленных против исполнения судебных актов. Этим самым на законодательном уровне, по мнению С. А. Яковлевой, определена социальная направленность общественно опасного деяния, фактически очерчивается круг общественно

ных отношений, терпящих урон от его совершения¹²⁹

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.